

Заключение

Итак, мы представили три модели исторического развития России. Несут ли они какой-нибудь урок для современности? Как отвечал на этот вопрос В.О.Ключевский, «История учит даже тех, кто у нее не учится, она их проучивает за невежество и пренебрежение».

Действительно, самодержавие, вызывающее у «красных» аллергию, у «белых» — романтизированную тоску «тонкого колоска» по «русскому полю», завершило полный цикл своего развития в русской истории. Не будем недооценивать его положительной роли. Именно самодержавие создало Великую (единую и неделимую — добавляют его сторонники) Россию. Его роковая ошибка состояла в том, что оно не осознало (не захотело осознать) ограниченности отпущенного ему исторического времени и не сумело (не захотело) реализовать наметившейся в 60-х годах возможности компромиссного «мягкого» выхода из кризисной ситуации через конституционную монархию к либерально-демократическому конституционализму. Даже такой не непредвзятый критик самодержавия, как В.И.Ленин, соглашался, «что осуществление лорис-меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и не разборчивой в средствах партии сторонников самодержавия»²⁹⁶. Парадокс русской истории, отмеченный С.Л.Франком, Н.А.Бердяевым и др., состоял в том, что все эти три силы объединили свои усилия, и под этим тройным прессингом самодержавие рухнуло, едва не разрушив всю Россию.

Вторая утопическая модель русского социализма, казалось бы, по определению не имела шансов на успех. И тем не менее, как не однажды случалось в истории,

утопия оказалась реализованной, заняв место самодержавного правосознания. Ее успех был обусловлен тем, что в реализации ее объединились вера в социальную справедливость и поведенческий стереотип «анархической вольности», культурным эквивалентом которой может служить «социальная инициатива масс», места для которой не оставляли ни самодержавие, ни классический либерализм. Как всякая утопия, не имеющая научных оснований, идеал «русского социализма» оказался весьма удобным объектом для любых трансформаций, вследствие чего он принял весьма жесткую форму «диктатуры пролетариата», а по существу «диктатуру партии». Опасность подобной трансформации в свое время предвидели Ф.М.Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе» и Вл.Соловьев в «Повести об антихристе». И все же пока мечта о социальной справедливости и социальной активности, т.е. востребованности масс остается нереализованной, а потому сохраняется почва для социальных утопий. И какую форму она примет — стихийного бунта или ухода в призрачные зыби града Китежа, зависит от обстоятельств. И с этим недозволительно «играть» ни одной из политических элит.

И, наконец, третья либеральная модель развития России. Казалось бы, все складывалось в ее пользу: развитие, хотя и замедленное, гражданского общества, формирование, хотя и не по европейским образцам, третьего, среднего класса, формирование либеральных настроений и правосознания, образование Государственной думы и либеральных партий, явная недееспособность монархической власти... И в одночасье все это рухнуло, утонув в Меморандумах Милюкова, в думской говорильне, в речах «главноуговаривающего» Керенского. Либерализм, так и не родившись, почти без боя уступил место массовой социалистической утопии.

И снова, заявив о себе в начале 90-х годов, он в течение 3—5 лет растратил свои кредиты, так и не сумев привлечь на свою сторону массы, жаждавшие перемен. И теперь как итог — о перспективах либеральной модели развития в современной России. Сегодня о шансах либерализма в нашей стране чаще всего говорят не в оптимистических тонах и с изрядной долей раздражения: снова, как уже бывало не раз в российской истории, он не смог выиграть в политической борьбе и должным образом повлиять на ход осуществляемых реформ. Некоторые склонны считать, что либерализм для России снова как бы «умер». В самом деле, Россия не только не является либеральной страной, но пока в ней не просматривается и тенденции к действительной либерализации власти и общественной жизни. Более того, либеральные ценности не занимают должного места в общественном и индивидуальном сознании. Но это понятно — бытие, как известно, определяет сознание. Если нет развитого института частной собственности, цивилизованного рынка, если не укоренены принципы правового государства и соответствующих социальных институтов, то говорить о либеральных ценностях в сознании и социальных ориентациях — нет оснований. Отметим еще один момент. Часто либерализм отождествляется с демократией, от чего более ста лет назад предостерегали его классики. Демократия и либерализм, хотя и взаимосвязаны, но представляют собой различные явления. Демократия не сводится к либерализму уже по одному тому, что либерализм базируется на приоритете самоценности человеческой личности, а демократия предполагает суверенитет, верховенство народа, т.е. приоритет большинства. Между тем политические свободы — это только необходимое условие для построения либерального государства. За последними стоят свои принципы общественной жизни. Иными словами, либерализм пронизан социальными началами в не меньшей степени, нежели

политическими, поскольку либерализм — это идеология благополучного, условно говоря, общества, общества, выполняющего целый ряд прежде всего социально-экономических обязательств перед своими гражданами, важнейшим из которых является обеспечение каждому «минимума благополучия».

Далее, либерализм, как мы показали выше, очень многоплановен и разнообразен: есть «экономический либерализм» с принципом «laissez faire», противопоставляющий общество индивиду, есть «социальный либерализм», акцентирующий понятие справедливости и соответственно требование контроля за такими общественными институтами как образование, здравоохранение и т.п. Либерализм есть система ценностей, защищающая общечеловеческие нормы жизни и завоевания культуры. Либерализм есть определенный тип государственного моделирования — в таком случае первейшим вопросом выступает вопрос о пределах полномочий государства, о верховенстве закона над политикой и т.д. Все эти разнообразные измерения либерализма в его «идеальном типе» завязаны друг на друга, но в реальности часто предстают как нечто самостоятельное и автономное, слабо и не всегда очевидно связанное со своим целым. Поэтому мы склонны не видеть ни этого последнего, ни многообразия его проявлений, выбирая в защите, как и в критике, либерализма какую-то одну его «ипостась» и попадая тем самым в самими же расставленные ловушки.

Как справедливо заметил М.М.Карпович, «Исторический процесс не знает никаких «последних» результатов, никаких «окончательных» побед и поражений»²⁹⁷. В этом смысле возвращение к либеральной альтернативе не закрыто для России. Ее программа не может быть написана ни «с чистого листа», ни по «продвинутым» западным образцам, но предполагает изучение опыта *русского либерализма* как модели *исторического развития страны*. Культурно-исторические традиции русского

либерализма представляют несомненный интерес для понимания современного кризисного состояния страны и, главное, для преодоления этого кризиса и реализации либеральных программ в интересах человека на современном уровне понимания его права на достойное существование.

Принимая во внимание все это, выскажем предположение, пусть не покажется оно странным: может, преждевременно говорить о «смерти» российского либерализма — просто потому, что разве можно умереть раньше, чем родиться?